

З. С. Антипина, Ю. С. Подлубнова*
**СТРАТЕГИИ И ФОРМЫ АВТООПИСАНИЯ
 В ТВОРЧЕСТВЕ П. П. БАЖОВА**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-118-126

УДК 82-94

ББК 83.3(2)

В статье затрагивается проблема конструирования автобиографического мифа и использования форм автоописания в творчестве П. П. Бажова. Уральский автор пришел в литературу довольно поздно, после революции и работы политического толка, приучившей его ориентироваться на запросы и сигналы власти. Он четко представлял границы советского и всякий раз уже в последующей писательской работе выбирал те формы автоописания, которые позволяли избегать исповедальных конструкций. Стоит ли искать какого-то иного П. П. Бажова в его эго-документах и художественной прозе? Были исследованы его автобиографические очерки и повести 1920–1940-х гг.: «Уральские были», «За советскую правду», «Зеленая кобылка», «Дальнее — близкое», «Через всю жизнь», — рассмотрены некоторые письма писателя. Анализ демонстрирует, что, какую бы форму повествования ни использовал П. П. Бажов, к какому бы жанру ни обращался (от были и документального очерка до мемуарной повести), автоописательность в его творчестве при всей ее явленности и даже манифестированности оказывалась стратегически редуцирована. На первый план у П. П. Бажова выходили фактография, документирование опыта либо создание образа места и отражение эпохи, и только потом прозаик вводил маркеры автобиографизма, осознанно дозируя информацию о себе, всякий раз встраивая ее в общую рамку советских установок и конструктов. Именно эти рамки сковывали автора, как бы отрицая его право на память, предлагая помнить только то, что работало на создание образа советского журналиста в 1920-е гг. и советского писателя в 1940-е гг. Саморепрезентирующие конструкции, согласно не раз артикулированной воле прозаика, отходили в текстах на второй план, однако основная автоописательная стратегия П. П. Бажова и заключалась в именно таком, отстраненном, не привлекающем внимания создании советской версии автобиографии.

Ключевые слова: *П. П. Бажов, идентичность, автоописание, саморепрезентация, эго-документ, автобиография*

Проблема, с которой сталкивается всякий, кто пытается понять/описать личность писателя П. П. Бажова, связана с тем, что он, вопреки сказанному о нем Л. И. Скорино в 3-м томе собрания сочинений, не создавал «целостное повествование о жизни».¹ Он не выстраивал, как это делали некоторые писатели начала

XX в., используя автоописательные конструкции (в том числе потенциал эго-текстов), биографический ряд, который был бы важен «не только для понимания судьбы, но и творчества»,² охватил бы и по-своему объяснил всю его жизнь. Однако попытки житнетворчества и конструирования автобиографического мифа, предполагающего «упорядоченную событийную связь внешнего и внутреннего бытия личности»,³ у П. П. Бажова все-таки имели место. В его биографии есть моменты, которые он, определившись с профессией журналиста и писателя в 1920-е гг. и будучи, как выразилась Т. А. Круглова, внутринаходимым в отношении советской действительности,⁴ хотел если не забыть, то оставить за рамками публичных высказываний (будь то служебная

¹ Скорино Л. И. Примечания // Бажов П. П. Собр. соч.: в 3 т. М., 1976. Т. 3. С. 441.

Антипина Зоя Сергеевна — к.филол.н., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский национальный исследовательский университет (г. Пермь); н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: afaneor@yandex.ru

Подлубнова Юлия Сергеевна — к.филол.н., н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: tristia@yandex.ru

* Исследование подготовлено Ю. С. Подлубновой за счет гранта РНФ, проект № 19-18-0021 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (рук. Н. В. Суржикова)

² Магомедова Д. М. Автобиографический миф в раннем творчестве А. А. Блока («Стихи о прекрасной Даме») // Русская словесность. 1997. № 2. С. 32.

³ Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. 1997. Т. 99, № 1. С. 7.

⁴ См.: Круглова Т. А. П. П. Бажов как советский писатель: проблемы идентификации // П. П. Бажов в меняющемся мире. Екатеринбург, 2014. С. 64–72.

автобиография или автобиографический художественный текст). Его рассказы о собственной жизни пестрят лакунами и настойчивым уходом от ответов на личные вопросы. Его обнародованная переписка явно неполна. Даже читая немногочисленные письма П. П. Бажова 1920–1930-х гг., сложно разобраться с тем, что за человек их писал, как и чем он жил. П. П. Бажов автобиографический и тем более автопсихологический вне созданного мифа ускользает от исследователей.

Уральский автор пришел в литературу довольно поздно, в возрасте 40 лет, зрелым человеком, после революции и работы политического толка, приучившей его ориентироваться в запросах и сигналах власти. Неслучайно 1920-е гг. прошли для него под знаком журналистской пропагандистской работы. П. П. Бажов четко представлял границы советского, видел себя в нем, всякий раз уже в последующей писательской работе выбирал те формы автоописания (даже в эго-документах),⁵ которые позволяли избегать исповедальных конструкций. Все, что П. П. Бажов писал о самом себе, изначально было связано с самоцензурой (напомним о его работе в Обллите и в качестве политического редактора УралОГИЗа), с осознанным стремлением, с одной стороны, соответствовать складывающемуся в 1920-е гг. образу идеального журналиста, с другой — очевидно реализовывать праксис писателя как агента власти.⁶

Настойчивое стремление П. П. Бажова избегать разговоров о своей биографии подтверждено документально. И если, например, в опубликованной переписке с Л. И. Скорино трудно не заметить постоянную пикировку писателя и его биографа по вопросам личного характера, то есть П. П. Бажов дает хоть и однозначные, но все-таки пространные ответы, то, отвечая на просьбу школьного учителя Апарникова прислать свое жизнеописание, высказывается прямо: «Хотелось бы заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью».⁷

⁵ Понятия «эго-текст», «эго-документ» и «автоописательные конструкции» в статье будут использоваться в рамках литературоведения применительно к художественным (беллетризованным) автобиографическим произведениям. Авторы не ставят перед собой отдельной задачи по уточнению и разработке этих терминов.

⁶ См.: Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.

⁷ Горева В. В. «Фактическая биография» П. П. Бажова (об использовании фондов Объединенного музея писателей Урала

Стоит ли искать какого-то иного П. П. Бажова в его автобиографических произведениях? Иную субъектность/субъективность, иной набор идентичностей, не являющихся нормативными в рамках советской культурной парадигмы? Что дают наблюдения за сменой топик и дискурсивных стратегий в его очерках и повестях 1920–1940-х гг.?

Как отмечает И. Калинин, осмысляющий феномен «советской субъективности», «недостаточно просто указать на интенсивность и распространенность в советском обществе 1920–1930-х гг. дискурсивных и поведенческих практик “перелицовки самого себя” (*self-fashioning*), продемонстрировав структурную гомогенность официальных дискурсов пропаганды и частных тактик формирования “я” и тем самым снимая или обходя вопрос о господстве и принуждении. Формирование “я” (процесс субъективации) должно быть описано не только исходя из того, кто выступает инстанцией этого конструирования (индивид, идеологические аппараты государства или его репрессивные органы), но и из того, что является дискурсивным материалом этого конструирования, как организовано пространство дискурса, внутри которого осуществляется это свободное формирование “я”».⁸ Исходя из этого, можно утверждать особое значение в случае П. П. Бажова попыток автоописания в художественных и документальных текстах, предназначенных для публикации и влияющих на его статус как внутри профессионального поля, так и в советской культурной реальности.

Материалами для исследования стали очерки и повести, представленные в 3-м томе собрания сочинений (мы опираемся на трехтомник 1976 г.), обозначенном как автобиографический. Делопроизводственные автобиографии П. П. Бажова, дневниковая проза и эпистолярное наследие, то есть особый массив эго-текстов, заслуживают особого разговора в связи с их деловой и повседневной прагматикой, а потому хотя их содержание нами и учитывается, но в исследовании практически не входит. Кроме того, далеко не все собранное в 3-м томе собрания сочинений попадает в зону нашего исследовательского внимания: рассказы «В пасхальную

при подготовке Летописи жизни и творчества П. П. Бажова. 1879–1950) // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире. Екатеринбург, 2004. С. 210.

⁸ Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920 — начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 588.

ночь» (1929) и «Через межу» (1934) написаны по следам увиденного П. П. Бажовым, включают элементы документальности, но не содержат автоописательных элементов, да и в целом их помещение в ряд автобиографических произведений вызывает вопросы.

Первые произведения П. П. Бажова с автоописательными конструкциями были опубликованы в середине 1920-х гг. Это «Уральские были» (1924) и повесть «За советскую правду», вышедшая отдельным изданием в 1926 г. «Уральские были», посвященные истории Сысертских заводов и представляющие собой историко-краеведческие очерки (а именно краеведение было для П. П. Бажова в 1920-е гг. творческим проектом, отличным от его журналистской работы) открывались эго-текстом, мемуарным вступлением «В детские годы». В нем — в традициях пролетарских автобиографий 1910–1920-х гг.⁹ — изображалась сысертская жизнь семьи Бажовых, отца, рабочего по пудлинго-сварочному цеху, часто за свою критику заводского начальства оказывающегося без работы, и матери, кружевницы и чулочницы, ради заработка постоянно занятой вязанием. Вступление определяло угол зрения рассказчика, человека, по факту рождения включенного в процессы жизни заводского пролетариата. «Я просто жил жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над “начальством”, видел жизнь и работу этого “начальства” и хочу, как умею, рассказать об этом, охватывая главным образом восьмидесятые и девяностые годы».¹⁰

В этой книге Бажов обозначает две темы, которые будет развивать в дальнейшем: историю края, его конкретных локаций, подаваемую через призму классово-борьбы (в марксистско-ленинском смысле); и детство, проведенное в рабочей среде, что было жизненно важно для самого П. П. Бажова, высвечивающего те моменты собственной биографии, которые соответствовали послереволюционному раскладу общественных сил.

Позиция рассказчика-очевидца в «Уральских былях», в основной своей части не автобиографических, придает изображаемым кар-

тинам из жизни Сысертских заводов историческую достоверность, артикулированную в том числе классово мотивированной сатирой автора. Автобиографическое здесь выполняет функцию повествовательной рамки, устанавливающей референциальные связи между художественной и внехудожественной действительностью, автором и рассказчиком (что характерно для эго-текстов). Оно оказывается вне зоны игры воспоминаниями и ассоциациями, которой у П. П. Бажова в принципе нет: он предпочитает не играть, выдавая написанное за действительно случившееся и определяя себя как объективного хранителя ценной информации, воспроизводящего пусть не целостную картину, но «обрывки картин».¹¹

Установка П. П. Бажова на «литературу факта» заметна и в других его произведениях, в которых предпринимаются попытки самоконструирования и «интимного приобщения к новому социальному режиму через автобиографическое самонаблюдение».¹² Повесть «За советскую правду», посвященная партизанскому движению в Сибири, участником которого был писатель, и вовсе мыслилась им как документальная.

По замыслу автора, она должна открывать цикл из 32 книг-воспоминаний о Гражданской войне на Урале и в Сибири. «Здесь нет выдумки, — замечал писатель в предисловии. — Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя».¹³ В основе повести, лишенной драматического конфликта (хотя, казалось бы, речь идет о войне и партизанах), находится очерк «По Колчаковии в 1919 г. Воспоминания невольного туриста»¹⁴ и, по всей вероятности, дневниковый материал: настолько очевидна сосредоточенность автора на бытовых деталях и описаниях (и снова перед нами «литература факта»).

«После чая Кирибаев лезет на полати. Фитиль гасится. Кашель и вошь не дают уснуть. Не спит и хозяин “не последнего дома”. Ворочается и шипит на жену:

— Выпустила язык при постороннем человеке. Ситцу ей московского подай! Дура несчастная!

— Да я...

— Молчи. Дрыхни!»¹⁵

⁹ См.: Подлубнова Ю. С. Пролетарская автобиография в литературе Урала 1930-х гг. // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8 (15), ч. 2. С. 150–152; Боровинский М. Т. Знаки времени начала 1930-х гг. в произведениях А. Авдеенко «Я люблю», А. Бондина «Моя школа», А. Корева-новой «Моя жизнь» // Дергачевские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 49–56.

¹⁰ Бажов П. П. Уральские были // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 6.

¹¹ Там же.

¹² Калинин И. Угнетенные должны говорить. С. 587.

¹³ Бажов П. П. За советскую правду // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 197.

¹⁴ См.: Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 147.

¹⁵ Бажов П. П. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 215.

П. П. Бажов изначально предупреждает читателя: «Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни Сибири, но мелочи настолько показательны, что я решаюсь дать маленький кусок тогдашнего быта, по рассказам непосредственных участников».¹⁶

Сложно сказать, о каких участниках идет речь, возможно, этих акторов коммуникации просто не было, но смысл повествования «из первых рук» снимала ответственность с автора за вероятные, как бы предполагаемые им отступления от документальной точности и одновременно придавала повести статус эго-документа, воспоминаний, каковыми она по факту не является: здесь нет маркеров памяти, как нет субъекта — носителя воспоминаний.

Наделяя главного героя Кирибаева собственной биографией, П. П. Бажов отстраняется от него, пишет о нем в третьем лице, не настаивая на автобиографизме, делая автоописательную рамку неявной и отдавая предпочтение репортажному документализму как творческой стратегии. При этом бытовая убедительность текста прямо постулирует причастность автора к описываемым событиям, то есть к партизанскому движению в Сибири, которое уже имеет значение для построения советской биографии писателя. Неслучайно Л. И. Скорино, самый последовательный интерпретатор биографии П. П. Бажова в советском ключе, в комментариях к трехтомнику писателя принципиально называет повесть автобиографической.¹⁷

Интересно, что насколько прямолинейно Л. И. Скорино пытается разглядеть в советском писателе человека, настолько же настойчиво П. П. Бажов отводит внимание от своей «генеалогии». В переписке с литературоведом он временами даже указывает на себя в третьем лице: «В высокой степени не важно, кем и когда он [ППБ] в то время был. На этот вопрос даже отвечать не буду».¹⁸ Там же он неоднократно подчеркивает, что «внимание должно быть направлено на социальную среду, независимо от родственных отношений»;¹⁹ «...слишком высоко поднимая творческую единицу, Вы отводите скромное место материалу и окружению, а надо в ущерб творческой единице сконцентрировать внимание на малоизвестном материале и среде, которая в

прошлом освещалась неправильно».²⁰ В письме 1946 г. П. П. Бажов обозначает свое отношение к литературе воспоминаний следующим образом: «Видимо, по состоянию моего здоровья мне придется заниматься — если еще придется, — самым простеньким, то есть мемуарной литературой».²¹

«Самым простеньким», если следовать иронической логике прозаика, стала повесть 1949 г. «Дальнее — близкое». Но до этого еще в 1939 г. П. П. Бажов выпускает автобиографическую «Зеленую кобылку». Обе они вновь обращены к детским годам автора. И хотя бажовский вариант повествования о собственном детстве проявляет то, что Л. М. Слобожанинова назвала «высокой культурой социологического мышления» писателя,²² тема детства в повестях 1930–1940-х гг. масштабируется, наделяется самооценным значением и в принципе коррелирует с «этнографией детства» в сказах, где дети выступают как «один из ведущих регуляторов поведения взрослых».²³

В случае «Зеленой кобылки» — вполне фабульной — сюжет строится вокруг первого самостоятельного выхода заводских мальчиков за пределы привычного дворового круга: они тайком от родителей идут на соседний завод за большим уловом. «Давай, ребята, сходим на Вершинки, — предложил вечером Петька. — Вот бы половили!»²⁴ Мемуарная повесть «Дальнее — близкое» — о дальнейшем открытии и познании ребенком внешнего мира — о переезде из заводского поселка в большой город: «Вот это город! Вот это дома! Кто только живет в них?»²⁵

«Зеленая кобылка» была опубликована под псевдонимом Е. Колдунков. Фамилия, в трактовке самого писателя, семантически синонимична подлинной: бажить — колдовать. Имя автора в первых публикациях повести (Егор Колдунков) — имя и главного героя, 10-летнего Егорши. Фамилии мальчика в тексте нет, лишь упоминается, что у него «две фамилии», как у всех в заводском поселке: по одной зовут, по другой пишутся. Создание персонажа-двойника и делегирование ему собственной

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ См.: Там же. С. 442.

¹⁸ Бажов П. П. Письмо к Л. И. Скорино // Там же. С. 334.

¹⁹ Там же. С. 325.

²⁰ Там же. С. 358.

²¹ Он же. Из письма к Л. И. Скорино // Там же. С. 416.

²² Слобожанинова Л. «Слово и история»: творческий опыт П. Бажова в историческом жанре // Урал. 1984. № 1. С. 169.

²³ Граматчикова Н. Б. Этнография детства в сказах П. П. Бажова (функциональный аспект) // П. П. Бажов в меняющемся мире. Екатеринбург, 2014. С. 28.

²⁴ Бажов П. П. Зеленая кобылка // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 73.

²⁵ Он же. Дальнее — близкое // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 141.

биографии — отстраняющий жест, манифестирующий особую автоописательную стратегию писателя, в которой дистанцирование позволяет внести элементы героизации в биографический материал.

В отличие от «За советскую правду», повесть лишена дневникового документализма, пожалуй, только место жизни, род занятий родителей, возраст мальчика, ближайшее окружение, уральская природа и заводы — следы реального прошлого известного журналиста и автора вышедшей в том же 1939 г. «Малахитовой шкатулки». В «Зеленой кобылке» П. П. Бажов встраивает в рассказ о детстве популярную схему о спасении детьми революционера (об этой схеме пишет, например, М. А. Литовская),²⁶ а потому повесть носит приключенческо-авантюрный характер, ее фикциональность доминирует над автобиографическим материалом.

П. П. Бажов здесь вряд ли буквально «очерчивает некоторые детали быта», зато реконструирует биографию через идеологически выверенные константы: трудолюбие и ответственность (пора помогать семье), равенство («заединщиной» называет писатель мальчишеское товарищество), верность общему делу и слову («Это уж будьте в надежде! Умерло!»). Даже из всех игр и развлечений заединщиков подробно описано лишь то, что связано с этими идеями. Например, не игра в бабки (она лишь названа), а драка на «мирный уговор». Это можно объяснить ригоризмом уральской горнозаводской жизни, но, представляется, дело не только в деловитости юных героев повести, но и в условности детских взглядов в повести в целом. Ведь подробность изображения того или иного эпизода детской жизни — воля автора. Психологическую недостоверность Егорши не смог обойти и И. А. Дергачев. Объясняя ее социальным окружением героя, он все же рассматривает литературное произведение в соотнесенности с русской традицией и произведениями Л. Толстого и Н. Гарина.²⁷

Несмотря на привычный сюжет взросления и даже своеобразной инициации, говорить о психологизме повести П. П. Бажова и столкновении детского сознания со взрослым почти не приходится. В «Зеленой кобылке» практически нет обрисовки характера Егорши,

его внутреннего мира, чувств и переживаний. Деятельность детей внешняя: они тщательно планируют путешествие, запасаются едой, подслушивают разговоры старших, шепчутся на сеновале, много говорят о том, как совершить тот или иной шаг (переплыть на лодке, поймать зеленую кобылку и т. п.). В этой деловитости, нацеленности на действие и результат, и во внимании к делам взрослых есть многое, что роднит бажовских героев с героями Ж. Верна и М. Твена, но лишает детское сознание способности к рефлексии.

Приключенческий элемент «Зеленой кобылки» П. П. Бажов позднее называл «фабульными крючочками и петельками»,²⁸ истинную ее задачу объяснял как потребность рассказать, что в жизни заводских детей была не такая «темнота беспросветная», как было принято считать. Соединив содержательную основу «Уральских былей» и революционную проблематику повести «За советскую правду», П. П. Бажов переписал прежнюю версию своего детства. Кроме того, представляется, перед его глазами уже был не только пример «Детства» М. Горького, но и «Школа» (1929) А. Гайдара, «Белеет парус одинокий» (1936) В. Катаева и в целом пласт советской литературы о детях в революционных перипетиях. Уральский писатель осознанно героизировал собственное детство, наделив его возвышенной революционной романтикой, столь знакомой советской литературе.

Повесть «Дальнее — близкое» выросла из очерка, который был опубликован в сборнике «Свердловск» (1946). Сборник стал одним из ряда аналогичных изданий о советских городах, создание которых было инициировано журналом «Партийная жизнь» в рамках пропагандистской и агитационной работы. Эта деталь говорящая: «Дальнее — близкое» — текст прежде всего о городе, что осознавал и сам писатель, подписавший экземпляр книги И. А. Дергачеву следующими словами: «На добрую память, а может быть, и в виде закваски на освещение истории города».²⁹ «Для повести характерно соединение краеведческой точности и эмоциональности влюбленного в свой город жителя»,³⁰ — пишет И. Плотников.

В отличие от «Зеленой кобылки», повесть носит отчетливо эго-текстуальный, мемуарный

²⁶ См.: Литовская М. А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 8–17.
²⁷ См.: Дергачев И. А. Дальнее и близкое // Книги и судьбы. Свердловск, 1973. С. 132.

²⁸ Бажов П. П. Из письма к Л. И. Скорино. С. 376.

²⁹ Дергачев И. Дела литературные // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 353.

³⁰ Плотников И. Исторические очерки в творчестве П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 192.

характер: здесь есть сознание, воспроизводящее воспоминания и одновременно моделирующее реальность, и сознание героя, как бы изначально воспринимающего ее. Между этими автором-повествователем и героем — временная дистанция, заданная семантикой «дальнего», которое в ситуации воспоминания становится «близким».

Текст биографической повести «Дальнее — близкое» состоит из двух частей. Первая — подробное и долгое описание сборов мальчика Егорши и путь его в город. Стилистически этот фрагмент во многом совпадает с повестью «Зеленая кобылка»: он так же наполнен диалогами, выразительными деталями, воспроизводит особенности речи персонажей («Ярманкам гуляй! Город цина давал», «Припусти, Егорша, мимо Кабацкой-то!»). Вторая часть — рассказ о жизни героя в Верх-Исетске — посвящена собственно Екатеринбург-Свердловску и его пригороду. Здесь возникает автор-мемуарист, зрелый, смотрящий на город глазами не юного неопита, но старожилы. Отсюда совмещение двух пространственных пластов — прошлого, дореволюционного, и нынешнего, советского. Так, П. П. Бажов может в одном предложении соединить современные и уже несуществующие, оставшиеся в прошлом городские локусы: «Другой, более мощный, грузовой поток направлялся к нынешней улице Малышева, чтобы от нее пересечь город и через Щепную площадь выйти на улицу Декабристов».³¹ (Щепную площадь застроили в годы первых пятилеток, в 1946 г. ее как таковой уже не было.) Так запускается «механизм континуализации разрывов с помощью установления временной преемственности между вспоминающим и предметом воспоминания»,³² между «нынешней» и «прежней» идентичностью автора.

«Дальнее — близкое» неизбежно вносит коррективы в биографию писателя. Например, одно из явных стремлений П. П. Бажова — оправдать с советских позиций некогда полученное духовное образование. Герой повести показательно смущается перед соседским мальчиком Мишей: «— В попы метишь? — удивился Миша. — Кутейка, балалайка, соломенная струна?..

Я поспешил отвести обидное предложение...

— Дешевле тут приедем со содержаться...»³³

³¹ Бажов П. П. Дальнее — близкое // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 179.

³² Калинин И. Прием отстранения как опыт возвышенного (от поэтики памяти к поэтике литературы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 53.

³³ Бажов П. П. Дальнее — близкое. С. 171.

Описывая «преддверие бурсы» в одной из подконтрольных училищу «ученических квартир», П. П. Бажов приводит примеры всего, что известно со времен очерков Помяловского: бюрократических проволочек и контроля со стороны администрации, бессмысленной муштры учащихся, аморального поведения инспекторов и учителей, — дает их карикатурное описание и т. п.

При этом отношение к духовному образованию, заявленное в повести, вряд ли могло быть столь однозначным у самого П. П. Бажова, некогда преподававшего в Екатеринбургском епархиальном женском училище. В Пермской духовной семинарии, где учился будущий писатель, не было значительных притеснений учащихся. Напротив, семинария давала хорошее естественно-научное образование, а подпольная семинаристская библиотека с книгами социально-экономического и политического содержания успешно существовала более 50 лет.

В 1949 г. П. П. Бажов — признанный, отмеченный сталинской премией писатель, депутат Верховного совета СССР, далеко не молодой человек, он уже может позволить себе изменить стратегии автоописания и отказаться от некоторых элементов самоцензуры. В «Дальнем — близком» этого не происходит, однако в 3-м томе собрания сочинений писателя стоит внимательно прочитать очерк 1949 г. «Через всю жизнь».

Этот очерк был написан в связи со 150-летним юбилеем Пушкина и явился своеобразным объяснением в любви к классику, хотя и тут П. П. Бажов отработал социальный заказ, внося посильный вклад в культ поэта, которого присвоила себе и перекодировала советская культура. Очерк построен как цепочка воспоминаний о юбилеях и годовщинах поэта, ведущая в современность, из которой писатель резюмирует, что и 70 лет его «жизни не хватило, чтоб понять тайну творчества А. С. Пушкина».³⁴

Как и в «Дальнем — близком», здесь упоминаются школьное детство и 50-летняя годовщина смерти поэта. Однако П. П. Бажов образца 1949 г. словно бы проговаривается: «Было это, помню, во второй половине учебного года, после святочных каникул».³⁵ Одна календарная дата — и перед нами уже детство одного из лучших учеников сысертской школы,

³⁴ Бажов П. П. Через всю жизнь // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 321.

³⁵ Он же. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. С. 318.

а затем ученика Екатеринбургского духовного училища и Пермской семинарии, детство, в котором есть святочные каникулы и в принципе христианские праздники.

Имеет значение и то, что в очерке «Через всю жизнь» происходит приращение элементов идентичности писателя. Литература и чтение впервые в созданных им автоописательных конструкциях предстают не менее существенными для П. П. Бажова, чем включенность с ранних лет в жизнь рабочих и классовую борьбу. При этом писатель все равно ищет классовое оправдание своей детской любви к поэту. «В детском представлении казалось просто невозможным не любить такого веселого писателя, и в силу этого возникало предположение, что Пушкин писал и что-то другое, если его так ненавидели люди из начальства».³⁶

Обращение к Пушкину в случае П. П. Бажова — это еще и явная попытка осознания себя в широком пространстве русской культуры и литературы. Это выход за географические и в некотором роде идеологические границы прежней автопрезентации. И хотя прозаику не удастся (да и не было такой цели) преодолеть инерцию уже сложившегося советского жизнеописания, здесь верным будет утверждение, что «само приобщение к литературе, то есть к повествовательной практике, восполняет нехватку связности, которую испытывает человек, чья идентичность подвергается постоянному травматичному воздействию, и которую не в силах компенсировать чисто дискурсивная практика теоретической рефлексии, пусть даже рефлексии над законом истории».³⁷

Очевидно, что, какую бы форму повествования ни использовал П. П. Бажов, к какому бы жанру ни обращался (от были и документального очерка до мемуарной повести), ав-

тоописательность в его творчестве при всей ее явленности и даже манифестированности оказывалась стратегически редуцирована. На первый план у П. П. Бажова выходили фактография, документирование уникального, в представлении автора, материала, что характерно для эго-текстов в целом, либо создание образа места и отражение эпохи, и только потом прозаик вводил маркеры автобиографизма, осознанно дозируя информацию о себе, всякий раз встраивая ее в общую рамку советских установок и конструктов. Собственно эти рамки сковывали автора, как бы отрицая его право на память, предлагая помнить только то, что работало на создание образа советского журналиста в 1920-е гг. и советского писателя в 1940-е гг. Обращаясь к биографическому материалу, П. П. Бажов неизменно отказывался от реконструкции внутреннего мира автобиографического персонажа, от элементов автопсихологизма, предлагая взамен «литературу факта» либо героике революционной борьбы. Саморепрезентирующие конструкции, согласно не раз артикулированной воле прозаика, отходили в произведениях на второй план, однако основная автоописательная стратегия П. П. Бажова и заключалась в именно таком, отстраненном, не привлекающем внимания создании советской версии автобиографии.

Это в целом напоминает то, как автор уральских сказов пытался скрыться за ролью фиксатора горнозаводского фольклора, отстраниться от созданного художественного мира «Малахитовой шкатулки». Стояло ли за отстранениями П. П. Бажова нежелание быть ответственным за сказанное и, если стояло, то чем оно было обусловлено? Вопросы, на которые бажоведение, к сожалению, пока не дает исчерпывающего ответа.

³⁶ Он же. Через всю жизнь. С. 320.

³⁷ Калинин И. Прием отстранения как опыт возвышенного (от поэтики памяти к поэтике литературы). С. 42.

Zoya S. Antipina

Candidate of Philological Science, Perm State University; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm, Ekaterinburg)
E-mail: *afaneor@yandex.ru*

Yulia S. Podlubnova

Candidate of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *tristia@yandex.ru*

STRATEGIES AND FORMS OF AUTO-DESCRIPTION
IN THE WORKS OF P. P. BAZHOV

The article deals with the problem of constructing an autobiographical myth and using forms of auto-description in the works of P. P. Bazhov. The Ural author came to literature late, after the revolution and political work that had taught him to focus on requests and signals from the authorities. He clearly realized the borders of the Soviet and each time he chose in the subsequent writer's work those forms of auto-description that avoided confessional constructions. Is it worth looking for some other P. P. Bazhov in his ego-texts and fiction? The following autobiographical essays and tales of the 1920–1940s were examined: “The Urals stories”, “For Soviet Truth”, “The Grasshopper”, “The Far — Close”, “Through Life”, some of his letters were considered as well. The analysis demonstrates that no matter what form of narration P. P. Bazhov uses, no matter what genre he addresses (from true story to memoir novella) the auto-description in his work turned out to be strategically reduced. P. P. Bazhov highlighted factography, documenting experience or creating an image of a place and reflecting an era and only then did the prose writer introduce markers of autobiography deliberately dosing information about himself each time integrating it into the general framework of Soviet constructs. It was this framework that fettered the author denying his right to memory, offering to remember only what worked to create the image of a Soviet journalist in the 1920s and Soviet writer in the 1940s. The self-representing constructions according to the articulated will of the writer faded into the background in the texts. However, P. P. Bazhov's main auto-descriptive strategy was just such a curious creation of the Soviet version of the autobiography.

Keywords: *P. P. Bazhov, identity, auto-description, self-presentation, ego-texts, autobiography*

REFERENCES

- Bazhovskaya enciklopediya* [Bazhov Encyclopedia]. Ekaterinburg: “Sokrat”, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2007. (in Russ.).
- Borovinskiy M. T. [Signs of the time of the early 1930s in the works of A. Avdeenko “I love”, A. Bondin “My school”, A. Korevanova “My life”]. *Dergachevskie chteniya — 2006. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings — 2006. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, ID “Soyuz pisateley” Publ., 2007, vol. 2, pp. 49–56. (in Russ.).
- Dergachev I. [Literary affairs]. *Master, mudrets, skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove* [Master, sage, storyteller. Memories of P. Bazhov]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1978, pp. 342–353. (in Russ.).
- Dergachev I. A. [Far and near]. *Knigi i sud'by* [Books and Destinies]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1973, pp. 132–136. (in Russ.).
- Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatelya. Social'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The Making of the Soviet Writer. Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. Saint Peterburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. (in Russ.).
- Ginzburg L. Ya. [The Autobiographical in the works of Herzen]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy], 1997, vol. 99, no. 1, pp. 7–54. (in Russ.).
- Goreva V. [“Factual biography” of P. P. Bazhov (on the use of funds of the United Museum of Writers of the Urals in the preparation of the Chronicle of the life and work of P. P. Bazhov. 1879–1950)]. *Tvorchestvo P. P. Bazhova v menyayushchemsya mire* [The works of P. P. Bazhov in the changing world]. Ekaterinburg: B. i., 2004, pp. 210–215. (in Russ.).

Gramatchikova N. B. [The ethnography of childhood in the tales of P. P. Bazhov (functional aspect)]. *P. P. Bazhov v menyayushchemsya mire* [P. P. Bazhov in the changing world]. Ekaterinburg: Ob"edinennyy muzey pisateley Urala Publ., 2014, pp. 25–33. (in Russ.).

Kalinin I. [Defamiliarization as an exalted experience (from poetics of memory to poetics of literature)]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2009, no. 1 (95), pp. 39–57. (in Russ.).

Kalinin I. [The oppressed must say: a mass draft to literature and the formation of the Soviet subject, 1920 – early 1930s]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Internal colonization practices in the cultural history of Russia]. Moscow: "Novoe literaturnoe obozrenie" Publ., 2012, pp. 567–663. (in Russ.).

Kruglova T. A. [P. P. Bazhov as a Soviet writer: problems of identification]. *P. P. Bazhov v menyayushchemsya mire* [P. P. Bazhov in the changing world]. Ekaterinburg: Ob"edinennyy muzey pisateley Urala Publ., 2014, pp. 64–72. (in Russ.).

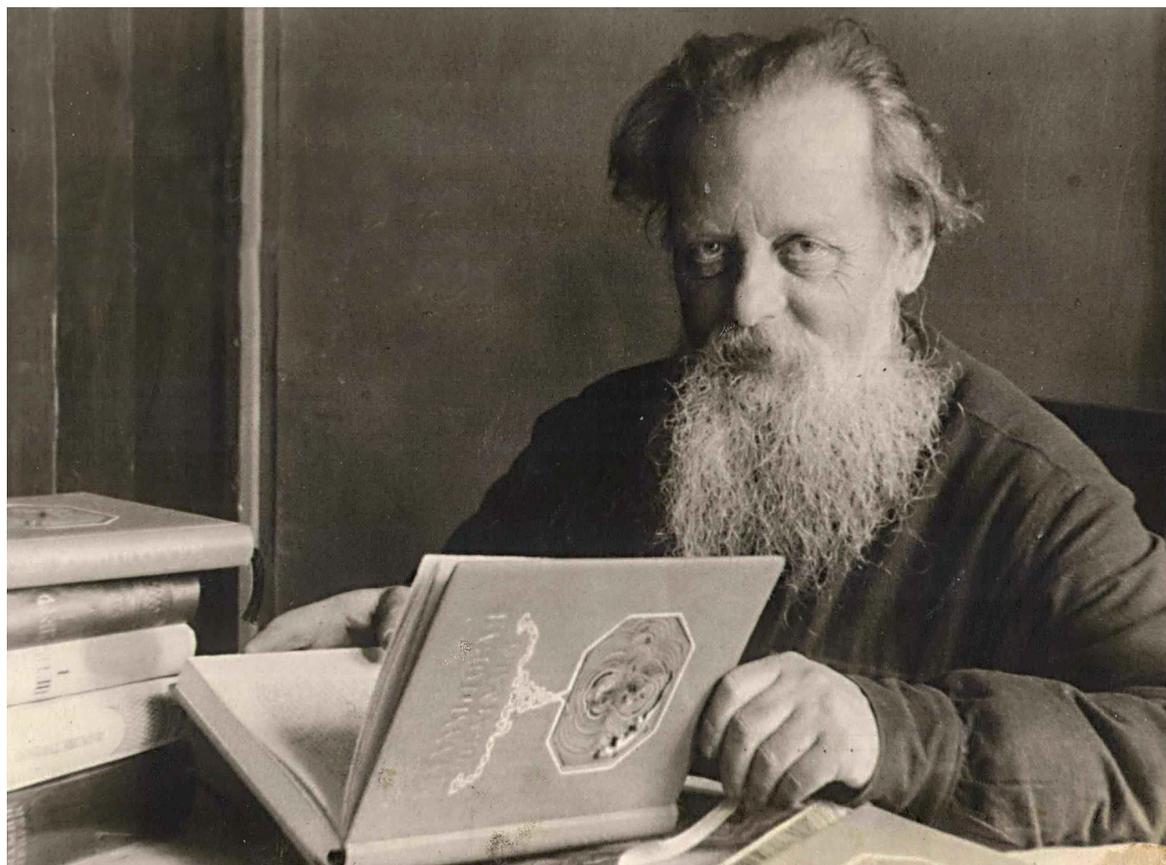
Litovskaya M. A. [The intricacies of the plot: poetics of compromise in the works of P. P. Bazhov]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, no. 2 (127), pp. 8–17. (in Russ.).

Magomedova D. M. [Autobiographical myth in the early works of A. A. Blok ("Verses About the Beautiful Lady")]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 1997, no. 2, pp. 32–37. (in Russ.).

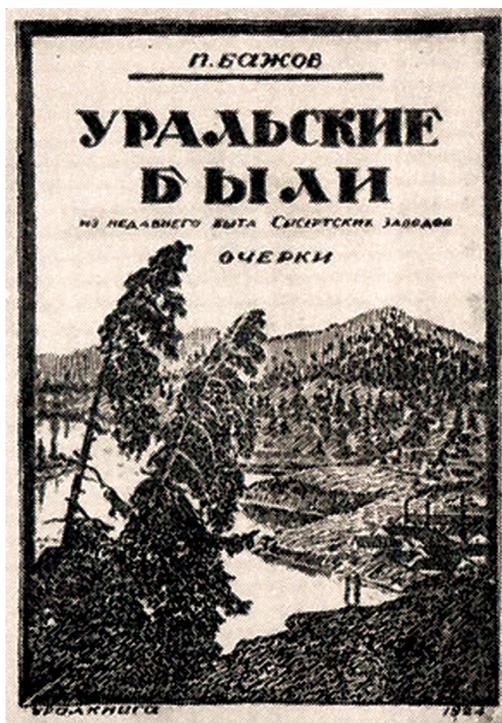
Plotnikov I. [Historical essays in the works of P. P. Bazhov]. *Bazhovskaya enciklopediya* [Bazhov Encyclopedia]. Ekaterinburg: "Sokrat", Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2007, pp. 187–192. (in Russ.).

Podlubnova Yu. S. [Proletarian autobiography in the 1930s Urals literature]. *Al'manah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2008, no. 8 (15), part 2, pp. 150–152. (in Russ.).

Slobozhaninova L. ["Word and History": creative experience of P. Bazhov in the historical genre]. *Ural* [Urals], 1984, no. 1, pp. 166–171. (in Russ.).

Павел Петрович Бажов (1879–1950). Фотография 1939 г.

Первое издание книги, 1924 г.